

Проект «Вызовы переходного периода в Сирии»

Документ, представленный на обсуждение (22)

Место Сирии в разногласиях США и Израиля по иранскому вопросу

Шира Эфрон, корпорация RAND

Женевский центр политики безопасности (GCSP)

Женевский центр политики безопасности (GCSP) – международный фонд, основанный в 1995 году и включающий 53 страны-участницы. Основной целью фонда является поддержание мира, безопасности и международного сотрудничества путем подготовки руководящих кадров, проведения прикладных политических исследований и диалога. Женевский центр политики безопасности обучает государственных должностных лиц, дипломатов, офицеров вооруженных сил, сотрудников международных организаций и НПО, а также представителей частного сектора, работающих в соответствующих сферах поддержания международного мира и безопасности.

Проект «Вызовы переходного периода в Сирии»

Данный проект предполагает многосторонний диалог и научные исследования, направленные на создание точек соприкосновения между ЕС, Россией, Турцией и США по трем вопросам: реформы, возвращение беженцев и восстановление. Проект реализуется Женевским центром политики безопасности совместно с Европейским университетским институтом (EUI), Сирийским центром политических исследований (SCPR) и Швейцарским фондом мира (Swisspeace).

Редактор:

Абдулла Ибрагим, ведущий исследователь проекта

Автор

Шира Эфрон

Д-р Шира Эфрон – старший научный сотрудник Института исследования национальной безопасности (INSS), глава Израильской исследовательской программы в корпорации RAND, а также адъюнкт-профессор Института современной войны Вест-Пойнтской академии. Специализируется на анализе, исследовании и методах планирования политики в различных областях применения. Исследования автора, посвященные китайско-израильским связям и их влиянию на национальную безопасность Израиля и США, а также на арабо-израильский конфликт, опубликованы в ведущих международных изданиях – в частности, Foreign Policy и The Wall Street Journal. До работы в INSS и RAND являлась аналитиком по вопросам Ближнего Востока в ряде экспертно-аналитических центров Вашингтона: Центре американского прогресса и Институте Ближнего Востока. Получила степени доктора наук (Ph.D.) и магистра в сфере анализа политики в Высшей школе RAND, а также степень магистра по международным отношениям / международной коммерческой деятельности в Нью-Йоркском университете и степень бакалавра биологических наук (основная специализация) и информатики (дополнительная специализация) в Тель-Авивском университете. Член совета директоров «Форум Девора», который поддерживает идею привлечения женщин в службы безопасности, а также сотрудник Израильского политического форума.

Все содержащиеся в настоящем документе идеи являются исключительно соображениями автора и ни в коей мере не являются мнением издателя.

Опубликовано в ноябре 2020 г.

Все права принадлежат Женевскому центру политики безопасности

Введение

Выборы в ноябре 2020 г. оставляют для США два варианта развития событий на Ближнем Востоке: продолжение и укрепление прежней политики Вашингтона или же изменение политического курса в отношении Ирана. Данные сценарии по-разному влияют на геополитический конфликт между США, Израилем и союзными арабскими государствами, с одной стороны, и Ираном и его региональной «осью сопротивления», с другой. Изменения в позициях Вашингтона и Тель-Авива по вопросам Сирии и Ирана после выборов могут повлиять на эффективность и даже самую перспективу продолжения так называемой кампании «максимального давления» со стороны США, поэтому для оценки вероятных перемен необходимо проанализировать совпадения и расхождения в текущих взглядах двух стран. По мере укрепления позиций Ирана в Сирии связь между политическими курсами обоих государств становилась все теснее. Тем не менее следует отметить, что подходы Израиля и США к сирийскому вопросу различаются.

В настоящей статье рассматривается кампания США против Ирана, связанные с ней издержки в Сирии, а также перспективы достижения договоренности с Ираном. В центре внимания находится политика Вашингтона по отношению к Ирану, однако учитывается и взгляд Израиля. Путем частных бесед с действующими и бывшими официальными лицами Израиля удалось сформировать важное понимание того, как политика США в отношении Сирии и Ирана воспринимается в правящих кругах страны – все это может внести значительный вклад в выстраивание совместного диалога.

Данная статья охватывает целый ряд вопросов: во-первых, существуют ли какие-либо мотивирующие предпосылки для того, чтобы Иран уступил требованиям США или заключил разумную сделку; будет ли при администрации Байдена¹ или Трампа повторно обсуждаться Совместный всеобъемлющий план действий с учетом расширения Ирана в регионе. Документ рассматривает причины, которые могли бы побудить Тегеран внести конструктивный вклад в стабильность Сирии и всего региона. Кроме того, оценивается влияние на Иран кампании «максимального давления», а также вероятность того, что антисирийские санкции приведут сирийское правительство и местных жителей (сотрудничающих с иранскими бойцами) к мысли о разрыве отношений с Тегераном. Наконец, статья поднимает вопрос о том, возможно ли при помощи угроз заставить Иран сократить свое присутствие в Сирии, учитывая, что он отстаивает там свои интересы.

Разграничение Ирана и Сирии в политике США

¹ Настоящая статья составлена до президентских выборов в США в ноябре 2020 г.

Несмотря на влияние иранской политики Вашингтона на его позицию по Сирии, приближенные к Белому дому и политическим кругам Госдепартамента аналитики в частных беседах признали, что президент Дональд Трамп не видит связи между политикой, проводимой его администрацией в Сирии и в Иране. Его советники одобряют антииранские санкции, поскольку они позволили сократить присутствие иранских сил в Сирии², однако президент не берет данную связь в расчет применительно к Сирии. Аналитики отмечают «запутанность» сирийской политики Вашингтона, а также «постоянную борьбу» между Трампом и его советниками по поводу подхода его администрации к сирийскому вопросу. Президент хочет лишь исполнить данное им обещание положить конец войнам и вернуть военных домой; большинство советников же, в свою очередь, утверждает, что США уже научились действовать в Сирии эффективно даже при небольшой численности войск, полагаясь на партнеров и посредников. Кроме того, Дональд Трамп явно заблуждается насчет Турции, переоценивая желание и возможности президента Реджепа Тайипа Эрдогана помочь США в достижении их целей. Нерешенным остается вопрос, каким образом все это повлияет на возможности Вашингтона оказывать противодействие Ирану в Сирии, однако, по всей видимости, это мало заботит Белый дом³. При администрации избранного президента Джо Байдена такое разделение вопросов Ирана и Сирии может продолжиться, однако по иным причинам. С одной стороны, прогрессивные демократы будут стремиться вынудить Джо Байдена вывести войска из Сирии. С другой стороны, такой специалист в области формирования государственной политики, как бывший заместитель госсекретаря США и бывший заместитель советника по национальной безопасности Энтони Блинкен – в будущем потенциальный советник по национальной безопасности – выразил сожаление по поводу того, что при администрации Барака Обамы Вашингтон не сделал большего для Сирии, и заявил, что войска выводиться не будут, однако при этом четкую политику по сирийскому вопросу пока не обозначил.⁴

Наконец, несмотря на согласованность политики администрации Трампа и правительства Нетаньяху по Ирану – в частности, относительно кампании «максимального давления», – мнение израильских аналитиков по поводу Сирии отличается. Американская Команда, занимающаяся вопросами Сирии, по крайней мере отчасти связывает свои

² Elizabeth Hagedorn, “Intel: US sanctions squeezing Iranian forces in Syria, says US envoy”, Al-Monitor, 12 May 2020 // Элизабет Хейдждорн «Разведданные: по словам посланника США, санкции Вашингтона привели к сокращению иранских войск в Сирии», Аль-Монитор, 12 мая 2020 г. https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2020/05/iran-sanctions-syria-james-jeffrey_amp.html?skipWem=1

³ Интервью с аналитиком американского экспертно-аналитического центра в Вашингтоне, октябрь 2020 г.

⁴ “Joe Biden foreign policy adviser Antony Blinken on COVID shortfalls, failures in Syria,” CBS News, May 20, 2020 // Советник Джо Байдена по внешней политике Энтони Блинкен о дефиците на фоне COVID-19, а также об ошибках в Сирии, CBS News, 20 мая 2020 г. <https://www.cbsnews.com/news/transcript-joe-biden-foreign-policy-adviser-antony-blinken-on-covid-shortfalls-failures-in-syria/>

мотивации с соображениями морали: надежда на политический процесс и в перспективе уход президента Башара Асада.⁵ Израильцы же стремятся сохранить стабильность на северном фронте, и давно смирились с тем, что несмотря на свою жестокость своего режима, Асад останется у власти. Поэтому Израиль ставит под сомнение пользу применяемых к Сирии санкций, хоть и не заявляет об этом открыто⁶.

Цель и влияние кампании «максимального давления» на присутствие Ирана в Сирии

Израиль полностью поддерживает текущий подход США к иранскому вопросу, известный как кампания «максимального давления». Он строится на мощных экономических санкциях, которые нацелены, по одним оценкам, на то, чтобы пошатнуть позиции Ирана, а по другим, – на то, чтобы привести к капитуляции и падению режима в Тегеране. С точки зрения США, данный подход должен поставить Исламскую республику перед жестким выбором между выживанием, с одной стороны, и отказом от притязаний в ядерной сфере, агрессивной внешней политики (и нарушений прав человека), с другой. В этой связи данный подход предполагает, что постепенно приблизится переломный момент, когда для выживания иранским правящим кругам не останется ничего, кроме как согласиться с требованиями США⁷.

В части Сирии (и Ирака, который не рассматривается в данной статье) одна из целей кампании «максимального давления» заключается в том, чтобы Иран не смог финансировать сирийское правительство и шиитское ополчение⁸. Официальные лица – например, спецпредставитель США по Сирии и борьбе против террористической организации «Исламское государство» Джеймс Джеффри – открыто заявили, что экономическое давление со стороны Вашингтона заставило Иран сдерживать свои силы в Сирии⁹. Действительно, бывшие представители США и Израиля – как сторонники «максимального давления», так и его скептики – признают определенное сокращение возможностей Ирана по поддержке сирийского правительства. При этом некоторые из них отмечают, что влияние санкций трудно оценить исключительно с точки зрения кампании «максимального давления» (без учета таких факторов, как военные удары, отсутствие постоянных боевых действий, дающее Тегерану широкое поле для маневра; влияние

⁵ Интервью с аналитиком американского экспертно-аналитического центра в Вашингтоне, октябрь 2020 г.

⁶ Интервью с бывшим чиновником из Совета национальной безопасности Израиля, октябрь 2020 г.

⁷ Mark Dubowitz and Behnam Ben Taleblu, “Two years on, the Trump Administration’s Iran policy continues to make sense”, Foundation for Defense of Democracies Insight, 7 May 2020 // Марк Дубовиц и Бенам Бен Талеблу «Спустя два года иранская политика администрации Трампа по-прежнему имеет смысл», анализ «Фонда защиты демократии», 7 мая 2020 г. <https://www.fdd.org/analysis/2020/05/07/trump-administration-iran-policy-still-makes-sense/>

⁸ Интервью с аналитиком американского экспертно-аналитического центра в Вашингтоне, октябрь 2020 г.

⁹ Хейдждорн, Аль-Монитор, 12 мая 2020 г.

убийства Касема Сулеймани и т.д.). Одна из сложностей оценки масштаба сокращения иранской поддержки Сирии связана с трудностями подсчета объемов финансовой помощи до начала кампании: по данным различных источников, с 2011 года и до запуска кампании «максимального давления» сумма составляла от 7 до 20 миллиардов долл. США. Согласно оценкам «Фонда защиты демократии» (FDD), за время пика боевых действий по восстановлению контроля над стратегически важным городом Алеппо размер финансирования составил примерно 15 миллиардов долл. США за год. Кроме того, переброску тысяч военных также сложно выразить в денежном эквиваленте¹⁰. И хотя в американских СМИ появилась информация о том, что «Хезболла» – ливанская военизированная организация – стала платить своим бойцам меньше в связи с антииранскими экономическими санкциями, ряд вашингтонских аналитиков, поддерживающих санкции, сомневается в этом и считает такие рассказы выдумкой.

Официальные лица Израиля в целом поддерживают подход «максимального давления», однако при этом понимают, что его эффективность ограничена. В 2017 году израильтяне считали, что данная кампания скажется на всех сторонах деятельности Тегерана, включая его военно-экономическое влияние в Сирии, однако не сможет оказать воздействие на иранскую ядерную программу¹¹. Тем не менее Тель-Авив не предполагал, что исключительно финансовое давление сможет решить проблему присутствия Ирана в Сирии. Таким образом, текущая израильская стратегия в Сирии состоит из четырех элементов, каждый из которых, по мнению Израиля, предназначен ослабить иранскую позицию в республике: 1) поддержка кампании «максимального давления»; 2) авиаудары по иранским целям и посредникам; 3) удары вблизи сирийских объектов (как угроза Дамаску, направленная на то, чтобы заставить его пересмотреть свое согласие с военными действиями Ирана на сирийской земле)¹²; 4) работа с Россией в части ограничения развертывания иранских войск и проводимых ими операций.

Относительно экономических санкций израильские официальные лица полагают, что кампания «максимального давления» позволяет ограничить иранское участие в Сирии. Израиль отмечает заметное сокращение размещенных сил, а также успешность экономического давления, которая подтверждается сравнениями более ранней информации о планах Ирана в Сирии с текущими разведанными, говорящими о неспособности Дамаска

¹⁰ Интервью с аналитиком американского экспертно-аналитического центра в Вашингтоне, октябрь 2020 г.

¹¹ Интервью с бывшим представителем органов израильской разведки, октябрь 2020 г.

¹² Judah Ari Gross, “Defense officials: Iran pulling out of Syria as Israel pummels its forces there”, *The Times of Israel*, 5 May 2020 // Юдах Ари-Гросс «Представители Министерства обороны: Иран выходит из Сирии после израильских ударов по его силам», *The Times of Israel*, 5 мая 2020 г. <https://www.timesofisrael.com/defense-officials-iran-pulling-out-of-syria-as-israel-pummels-its-forces-there/>

их реализовать¹³. Даже скептики вынуждены признать, что введенные против Тегерана санкции ослабили его возможности по поддержке подконтрольных и союзных сил за рубежом – в частности, «Хезболлы» и иракского ополчения. Причина проста и кроется в уменьшении объемов средств. С другой стороны, по майским сообщениям израильских СМИ, Иран значительно сокращал военное присутствие в Сирии и закрывал базы именно в связи с ростом числа авиаударов со стороны Израиля, а не обязательно ввиду недостатка денежных средств¹⁴. Израильские аналитики и бывшие официальные лица отмечают, что оба утверждения преувеличены, и именно сочетание всех этих аспектов наряду с отсутствием значимого длительного противостояния позволило Ирану за последнее время вновь укрепить свое военное присутствие в Сирии.¹⁵

Действительно, сейчас возможности Тегерана для маневров сократились, однако цифры не отражают полную картину. Аналитики вне политических кругов сомневаются, что финансовое давление могло повлиять на ключевые возможности Ирана, его мотивацию и стратегическое мышление в Сирии. В качестве примера они приводят аналогию с луком, повреждение внешних слоев которого не нарушает его середину; так же и Тегеран не утрачивает свою способность к принятию стратегических решений в Сирии, равно как и свои тактические возможности¹⁶.

Антисирийские экономические санкции и их влияние на Иран

Официальные представители США и аналитики в ходе открытых и частных дискуссий утверждают, что примененные к Сирии экономические санкции отражаются и на иранских расчетах в отношении страны. Согласно «Акту о защите гражданского населения Сирии» (также известному как «Закон Цезаря»), под санкции попадают правительства / частные компании, ведущие финансовую деятельность с сирийским правительством, в результате чего участие Ирана в сирийском конфликте становится более дорогостоящим. С учетом кампании «максимального давления» санкции ложатся на плечи Ирана дополнительной финансовой нагрузкой, усиливая воздействие кампании и, таким образом, заставляя Иран пересмотреть свое длительное присутствие в Сирии. Несмотря на то, что цель еще не достигнута, сторонники санкций призывают «двигаться в том же направлении»¹⁷. Они надеются, что двойное воздействие в итоге поставит Иран перед выбором – собственное выживание или выживание Асада, – и заставит его покинуть Сирию. Все это напоминает

¹³ Интервью с представителем Совета безопасности Израиля, октябрь 2020 г.

¹⁴ Gross, *The Times of Israel*, May 5, 2020 // Гросс, *The Times of Israel*, 5 мая 2020 г.

¹⁵ Интервью с бывшим представителем органов израильской разведки, октябрь 2020 г.

¹⁶ Интервью с бывшим представителем органов израильской разведки, октябрь 2020 г.

¹⁷ Интервью с аналитиком американского экспертно-аналитического центра в Вашингтоне, октябрь 2020 г.

выжидательную игру, при которой одна сторона ждет, пока изменения в обстановке и пересмотр Россией своих приоритетов не приведут к соответствующим переменам. Тем не менее даже сторонники такого подхода признают, что президент Трамп не уверен во взаимосвязи политических курсов по Сирии и Ирану; таким образом, принимаемые в данной области решения могут носить абсурдный характер¹⁸.

Официальные представители Израиля открыто не ставят под сомнение подход США, однако за закрытыми дверями высказываются об их политике довольно критически. Тель-Авив стремится к стабильности в Сирии, и его устроит, если Асад останется у власти. Израильцы сомневаются в эффективности использования исключительно финансовых санкционных инструментов для того, чтобы полностью вытеснить Тегеран из Сирии; в центре внимания у них находятся вопросы нестабильности на северной границе. Ряд израильских политиков полагает, что «Закон Цезаря» препятствует процессу восстановления в Сирии и лишь сильнее подталкивает сирийцев к Тегерану¹⁹. По сообщениям, аналитики израильского правительства в прошлом году предпринимали попытки заявить об этом своим американским партнерам, а также стремились найти пути сближения Дамаска с другими арабскими государствами, чтобы сократить зависимость сирийского правительства от Тегерана; однако США осаждали такие усилия, и с тех пор Тель-Авив хранил молчание, чтобы не расстраивать «самую дружественную по отношению к Израилю администрацию США из всех предшествующих»²⁰. Аналитики США игнорируют критику, утверждая, что Асад и Иран в любом случае не могут сблизиться еще сильнее²¹. Они полагают, что Иран (и Россия) продемонстрировали свою лояльность по отношению к Дамаску, а потому страны Персидского залива или иные государства едва ли смогут заменить Тегеран²². Все это подтверждает различия во взглядах США и Израиля на Сирию и демонстрирует другую проблему: пока Дональд Трамп остается у власти, израильские аналитики не рискнут оспорить традиционные взгляды США и Израиля по иранскому вопросу, особенно в части Сирии и Леванта²³.

Возможно ли прийти к соглашению?

Оба кандидата в президенты США заявили, что хотят вернуться к соглашению с Ираном. Сторонники жесткого курса в Вашингтоне утверждают, что администрация Трампа вышла

¹⁸ Интервью с аналитиком американского экспертно-аналитического центра в Вашингтоне, октябрь 2020 г.

¹⁹ Интервью с представителем Совета безопасности Израиля, октябрь 2020 г.

²⁰ Интервью с представителем Совета безопасности Израиля, октябрь 2020 г.

²¹ Интервью с аналитиком американского экспертно-аналитического центра в Вашингтоне, октябрь 2020 г.

²² Интервью с аналитиком американского экспертно-аналитического центра в Вашингтоне, октябрь 2020 г.

²³ Dalia Dassa Kaye and Shira Efron (2020) "Israel's Evolving Iran Policy", *Survival*, 62:4, 7–30, DOI: 10.1080/00396338.2020.1792095 // Далия Дасса Кайе и Шира Эфрон (2020) «Развитие израильской политики по Ирану», *Survival*, 62:4, 7–30, ИЦО: 10.1080/00396338.2020.1792095

из Совместного всеобъемлющего плана действий и утвердила политику усиления всех видов давления на Тегеран в целях достижения более выгодных договоренностей. Байден и его советники заявили, что заинтересованы вновь присоединиться к Совместному всеобъемлющему плану действий или предшествующему ему документу, Совместному плану действий от 2013 года. Открытым остается вопрос, будут ли такие договоренности ограничивать деятельность Ирана в регионе. Консерваторы в Вашингтоне и Израиле в основном полагают, что Совместный всеобъемлющий план действий высвободил для Ирана значительные ресурсы, которые он может использовать для финансирования «Сил Кудс» Корпуса стражей исламской революции, ливанской «Хезболлы» и проиранского ополчения в Ираке. Подход «максимального давления», в свою очередь, согласно сторонникам жесткого курса, переломил эту тенденцию и «вытряс сотни миллиардов долларов из иранской казны», помешав тем самым Тегерану поддерживать рычаги регионального влияния²⁴. Однако некоторые израильтяне, хоть их и меньшинство, не согласны с данным утверждением и говорят, что деньги – лишь вершина айсберга. Иран расширил военные действия в регионе не потому, что утопал в деньгах, а скорее в ответ на активизацию «Исламского государства» и нарастающий в регионе хаос. Для Тегерана важны стабильность и существование союзников и сил «оси сопротивления», борющихся против ИГ, и боевые действия позволили ему закрепиться в Сирии и Ираке. Согласно такому подходу, деятельность Ирана в регионе обходится стране относительно недорого, а потому носит устойчивый характер и сохраняется – хоть и в меньших масштабах – даже под гнетом санкций. По мнению данных аналитиков, можно ожидать, что вместо сворачивания деятельности и вывода войск Иран проявит приспособляемость, начнет адаптироваться и заново расставит приоритеты, но стратегию при этом не поменяет²⁵.

С учетом всего вышеизложенного, израильтяне и американцы полагают, что сегодня Иран гораздо слабее, чему способствовало как финансовое давление, так и серьезные последствия пандемии COVID-19. Следовательно, после ноябрьских выборов в США Тегеран с большей долей вероятности вступит в переговоры по так называемому Совместному всеобъемлющему плану действий 2.0, как его называют в военных кругах Израиля, – более комплексному соглашению с длительным сроком действия, затрагивающему вопросы программ в области баллистических ракет и затрудняющему региональную деятельность Тегерана²⁶. Ряд израильских аналитиков полагает, что Иран пойдет на компромисс только в том случае, если США ослабит санкции. Ведение

²⁴ Дубовиц и Бен Табелу, 7 мая 2020 г.

²⁵ Интервью с бывшим представителем органов израильской разведки, октябрь 2020 г.

²⁶ Интервью с действующими представителями Министерства обороны Израиля, октябрь 2020 г.

переговоров по созданию нового соглашения вместо изменения старого позволит обеим сторонам занять более гибкую позицию и проложить путь для уступок, сохранив при этом репутацию²⁷. Нетаньяху с высокой долей вероятности выступит против соглашения, однако ему будет труднее открыто высказывать свои возражения, если Дональд Трамп победит на выборах и продолжит политику в данном направлении. В случае победы Джо Байдена Нетаньяху постарается воспользоваться переходным периодом, когда Трамп еще будет находиться у власти, и приложит все усилия, чтобы сделать практически невозможным возвращение будущей администрации к переговорам с Ираном. Соответственно, израильский премьер-министр, применив свои обычные принципы работы и задействовав сторонников из Конгресса, постарается убедить Белый дом в том, что возвращение к переговорам – ошибка. Однако с учетом политических и юридических трудностей на родине Нетаньяху может не хватить возможностей остановить подобное развитие событий, как он это сделал ранее²⁸. Спецслужбы Израиля выступают в этот раз за иную стратегию: вместо того, чтобы пытаться сорвать соглашение, необходимо повлиять на него таким образом, чтобы оно учитывало интересы Тель-Авива²⁹.

В военных кругах все еще бытует непопулярное мнение, как и в 2015 г., что договоренности для Израиля – лучший способ обеспечить свои интересы в отношениях с Ираном. В интервью, которое бригадный генерал Дроп Шалом, начальник отдела разведывательного анализа АМАН (военная разведка Вооруженных сил Израиля), дал изданию Ynet 9 октября перед отставкой в связи с выходом на пенсию, он заявил: «Пока мы не видели доказательств того, что выход из Совместного всеобъемлющего плана действий послужит интересам Израиля»³⁰. Данное утверждение отражает тот факт, что мнения в политических и военных кругах не совпадают: в то время как одни стремятся сорвать соглашение, другие хотят его восстановить. Такое расхождение во мнениях было особо очевидным в годы, предшествующие созданию Совместного всеобъемлющего плана действий при администрации Обамы. Однако с приходом к власти Дональда Трампа и началом его политики «максимального давления» оно сошло на нет³¹. Израиль прогнозирует победу Джо Байдена, а это значит, что политика Вашингтона, скорее всего, изменится, что повлияет на решения Израиля по поводу обновленного соглашения с Ираном, которое, наиболее вероятно, получит большую поддержку.

²⁷ Интервью с бывшим представителем органов израильской разведки, октябрь 2020 г.

²⁸ Интервью с израильским военным аналитиком, октябрь 2020 г.

²⁹ Интервью с израильским военным аналитиком, октябрь 2020 г.

³⁰ "אם איראן תחליט תוך שנתיים יש לה גרעין. נסראללה במצב קשה, אבל הרשות הפלסטינית היא פצצה מתקתקת" יוסי יהושע, "Ynet+", 9 октября 2020 г., <https://www.ynet.co.il/articles/0.7340.L-5811491.00.html>

³¹ Кайе и Эфрон, Survival, 2020 г.